

АЗБУЧНЫЕ ТРОПЫ В ГРАММАТОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX – XXI вв.

Abstract: Alphabetical tropes in grammatological dictionary of Russian literary language of the 19th – 21st centuries. The article is devoted to research of grammatological theme, which includes alphabetical tropes and their specific differences. The tropes take the part of picture in Russian consciousness and reflection of the azbouka (alphabet) in social consciousness. Our description and classification open new perspectives in the assigned object more clearly, define possibilities and prospects of the chosen research.

Keywords: alphabet, azbouka, alphabetical derivatives, characters, grammatology, letters, Russian writing, eidos (ΕΙΔΟΣ) of letter

Наше исследование удовлетворяет актуальной идее сохранения культурного письменного наследия славянских народов, использующих кириллицу в своей общественной и духовной деятельности. Труды последних лет мы посвятили этой благодатной теме (Будейко 2012). Надеемся, что результаты нашей работы будут приняты научным сообществом ради осуществления важных решений, связанных со сбережением кириллического наследия в современную эпоху, стирающую своеобразное и неповторимое лицо духовной культуры ослабленных стран, не способных бороться со всеохватывающей экспансией латинской письменности.

Общая цель нашего исследования – посвятить плоды многолетнего изыскания идее и созданию грамματοлогического словаря русского литературного языка, куда будут включены и азбучные тропы русского литературного языка.

Термин „троп“ (от древнегреческого слова *τρόπος*, поворот, оборот, образ) связан с поэтикой, которая учит обращать внимание на слова, фразы, выражения, употребляемые в переносном и образном смысле. Традиционно к тропам учёные относят: метонимию, метафору, синекдоху, гиперболу, симфору, иронию, литоту, аллегория, перифраз, а также эпитет, хотя не всегда эпитет включается в научные классификации тропов. Азбучные тропы – это тропы, в основе образования которых находится имя и образ кириллической буквы. Проект словаря предназначен не только для фундаментальных аналитических исследований в области алфавитологии и грамματοлогии, но и может быть пособием для тех, кто пишет литературные и научные кириллические тексты.

Общей задачей нашей работы следует признать перспективу понимания сущности кириллицы, ясность постановки очередных вспомогательных задач, способствующих защите кириллицы, а также направлений развития грамματοлогических исследований, классификации полученного языкового материала, разработки и правил заимствования специальной терминологии.

гии, отвечающей запросам избранного исследования, в том числе и в поиске тенденции деривационных процессов, обусловленных буквенными именами и образами письменных знаков. Работа над составлением нашего словаря ведётся посредством сбора, анализа и представления ментальных репрезентаций в русских азбучных дериватах. Ближайшая задача: выявить и провести чёткие классификационные признаки, способствующие разграничению, выделению видов алфавитных тропов определённого типа (на основе внешней и внутренней формы деривата). В нашей работе терминологически разграничиваются слова „азбука“ и „алфавит“, которые могут указывать на произошедший в истории письменности XVIII столетия частичный или факультативный отход от традиционных имён азбуки (*азъ, буквы* и т. д.) на имена, взятые из латинского алфавитного перечня (*а, бэ, вэ* и т. д.) (Иванова 1976: 51). Кроме того, с XVIII в. меняется и графика (внешний вид) кириллических начерков и шрифтов, которые во многом были скопированы с латинской графической традиции, поэтому этот процесс реформирования, возможно и правомерно отметить как замену азбуки на алфавит, поскольку латинское наименование *alphabētum* обычно переводится русским словом „алфавит“, что отчасти отражает эту историческую перемену (Дворецкий 2000: 49). Реформационный отход от исторической кириллицы и перемена имён букв и общей графики текста были осуществлены в 1918 году, что сопровождалось и алфавитной реформой, и орфографической переменой письма, и упразднением некоторых грамматических форм письма (упразднения остатков грамматического антистиха: *ея > ее, онѣ > они, однѣ > одни, бѣлыя > белые, лексического антистиха: міръ > мир* и т. п.), и запретом изучать церковнославянский язык, включая, конечно же, и запрет на полную кириллицу, унаследованную со времён Мефодия и Кирилла, и т. д. (Будейко 2009: 74 – 76; Будейко 2010: 121 – 130). Известно, что с 1918 по 1946 годы практически не было издано ничего церковнославянской кириллицей. По сути своей алфавитно-орфографическая реформа 1918 года узаконила окончательный переход традиционного состояния кириллицы на мирское состояние кириллической гражданницы или советской гражданницы, т.е. на повсеместный, если возможно это так назвать, советский российский алфавит.

Предмет исследования: азбучные, алфавитные тропы русского литературного языка XIX – XXI вв., являющиеся частью азбучных, алфавитных дериватов. Под азбучными дериватами (дериваты азбучные – ДА) мы имеем в виду языковые знаки, являющиеся порождением собственно русской азбуки (как упорядоченного перечня письменных знаков от XIX до XXI в.). Иными словами: азбучные тропы являются частью множества азбучных дериватов. Допускается, что любой знак азбуки (алфавита) имеет классическую тернарную структуру: 1) имя (наименование), 2) вещь (значение, не только звуковое значение), 3) идею (смысл, согласно модели Готтлоба Фреге (Логический словарь 1994: 218 – 222). Из чего следует, что деривация возможна в определённых трёх направлениях. Во-первых, имя алфавитного знака (*а, бэ,*

вэ и т.д.), или имя знака азбуки (*азъ, буквы, вѣди*) порождает новые слова, словосочетания, синтаксические производные и так далее – до всевозможных текстов. Во-вторых, вещь (значение знака, денотат) создаёт новые значения или наименовывает открытые прежде вещи (от простой прагматики звуков, фонем, чисел до самых сложных абстрактных вещей, связанных с математическими или мистическими символами). В-третьих, идея (смысл знака, смысл слова) порождает новые идеи, новые смыслы, новые коннотации, дискурсивные смыслы и т. д. В предложенной тернарной структуре письменного знака как порождении западноевропейской парадигмы лингвистики не учитывается ещё одна ипостась, которая указывала бы на эйдос (внешний, явленный вид знака, неразрывно связанный со смыслом, идеальной идеей знака, формой письменного знака). Именно эйдос генетически создаёт лицо, образ буквы, орнамент письменного текста, его национальную особенность и самобытность. Эйдос знака – это четвёртая линия деривации, порождающая графическое украшение национального текста. Эйдос знака – это его символическая (очевидная, зримая, видовая) деривация, которая имеет ряд качеств, заставляющих усомниться в конвенциональности знака. И возможна ли абсолютная конвенциональность знака? Известно, что письменный текст отличается от текста устного своей субстанцией. Устный текст и его звуковая субстанция, с интересующей нас стороны (звукосимволической), хорошо изучены А. П. Журавлёвым (Журавлёв 1974; Журавлёв 1991). Письменный текст со стороны эйдетической (визуально-графической) деривации изучается нами достаточно давно (Будейко 2012). Наши предварительные выводы таковы, что графический знак традиционной азбуки (алфавита), изучаемого нами языка, является важным элементом неконвенционального круга, вероятно, такой графический знак создаётся, работает подобно знаку, обозначающему звук или фонему, по аналогичным правилам семиотики.

Процесс семиозиса в силу невообразимого числа комбинаций со знаками алфавита даёт огромное количество сочетаний, порождая бесчисленные письменные тексты. Остаётся только предполагать: от чего более это зависит (от перечня графических знаков или от творческой активности человека), поскольку нами наблюдается процесс с разными возможностями. Так называемое орудие в условно письменном языке (алфавит, графика и т. д.) и человек (как важный фактор языковой деятельности) оказываются равными участниками языкового процесса, ибо не только человек использует язык, письмо и плоды своей языковой деятельности, но и язык (письменный язык, письменность, письмо и, следовательно, алфавит) использует человека, подобно среде неприметно меняющей, формирующей, преобразующей или искажающей его личность.

Азбучные тропы – это вид азбучных дериватов, производных от буквенных имён и форм, осмысленных или не осмысленных русским сознанием. Анализ этого вида азбучных дериватов даёт возможность представить и понять „часть пространства русского письменного сознания“, где мир представ-

ляется в виде изменяющегося во времени текста, а человек (вещи, явления) – это буквы в сложном мегатексте (воображаемого, реального бытия). Такого рода живописная картина является началом рождения нового образа коллективного сознания русских людей, знающих грамоту и своеобразно (в национальных формах родного языка) осмысливающих письмо и себя в сверхмировом или надмировом письме жизни.

Объект исследования – азбука, кириллическая письменность в общественном сознании русского народа. Азбука понимается как культурная константа (Степанов 2001: 537 – 559), порождающая отчасти языковое сознание и являющаяся немаловажным фактором становления национальной культуры и самосознания народа.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что предлагаемый нами аспект азбуки никогда прежде не изучался отечественными учёными, поскольку основной упор прежде делался на прагматической, реже – семиотической стороне азбуки и её знаков. Наше предложение по существу является новым аналитическим аспектом исследования глубинного восприятия письменных знаков через литературное речетворчество. Выявление видов алфавитных тропов по своей сущности – разные типы восприятия письменных знаков творческим сознанием пишущих авторов или простых пользователей принятой исторической письменности.

Сложность проблемы заключается в том, что за немногочисленностью азбучных тропов скрывается знание и понимание грамотного народа, потаённо основанное на бессознательных и сознательных актах словесного творчества, выражающих суть понимания и принятия азбуки (алфавита) как культурного феномена. Решить проблему неравномерной деривации выбранного вида тропов, национальную специфику словесного творчества – значит, определить статус азбуки на психологическом уровне бессознательного и рационального, а также на культурологическом уровне, в принятых обществом формах национального самосознания. Заметим в дополнение, что „успех цивилизации и человеческого духа в их национальных формах – потому что любая культура [...] рождается и развивается в национальных формах“ (Колесов 2014: 9).

Общая квинтэссенция статьи: показать основные имплицитные вехи структуры словаря, общий ход исследования корпуса азбучных тропов, общий обзор словарных материалов для подготавливаемого к печати первого выпуска.

По нашим предварительным подсчётам словарь азбучных и алфавитных тропов насчитывает 180 единиц, не принимая в расчёт их варианты. Первое место мы отводим традиционно терминам, обозначающим азбуку, образованным в древности метонимическим способом, посредством сложения наименований первых букв азбуки: азъ + буквы = азбука, азбукъ (уменьшительное: азбучек, азбучка), азбуки, азбуква, азведи. И производные (дериваты): азбукovníк, азбучник, азбучница (учащаяся азбуке).

Плодотворные эпитеты: азбуковный (словарь, письмовник), азбучная (истина, идея, проповедь), азбучные (движения, кубики, определения, слова).

Метафоры, отражающие разные аспекты бытия и человеческие чувства: прощание с азбукой (с родиной; Д. Быков) (Быков 2006: 637 – 638), уйти в другую азбуку (покинуть родину, эмигрировать; Д. Быков) (Быков 2006: 654).

Метонимический перенос: Азбука (антисоветская организация (Д. Жуков 1991, см. Шульгин 1991: 425). Синтаксические дериваты: азбука жизни (памяти, потребителя, права, цветовода). Сравнение: быть, как азбука (самое простое дело, сама простота) (НКРЯ 2015).

От древнецерковнославянского (древнеболгарского) слова „буки“ образовано русское слово „буква“, от которой происходят: букварь, букварик, букварный, букварная (истина, правда), букарь (грамотей), буквалист, буквалистский, буквально, буквальность, буквальный, буквенный, буквица (заглавная буква древнерусской книги), буквичный, буквоед, буквоедски, по-буквоедски, буквоедский, буквоедство, буквопечатающий, буквослагательный, букковка, буковный, буки (существительное единственного и множественного числа) (НКРЯ 2015).

Слово „буква“ даёт синтаксические дериваты: буква закона (приказа, ферт, ять и т. д.) (НКРЯ 2015). Слово „буква“ порождает осуществлённые в литературной истории псевдонимы и их аналоги: псевдоним Буква; Чехов (Чехов 1974, т. I: 116), Ферт, Фертик (И. Н. Скобелев, см. НКРЯ 2015), Фита (Фита) (Леонтьев 2011: 220 – 223). Урбоним: Ферт (современная строительная организация в г. Челябинске, 2015 г.).

Слова „глаголи > глаголь“ порождают слова: глаголица, глаголический, глаголитический, глаголитский, глаголит, глагольский, глаголитица. При наборе словаря использованы материалы старых словарей. Например, „Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ“ 1847 года: глагольскій, ая, ое, *пр.* 1) Означающій азбуку, употребляемую Далматскими Славянами Римско-Католическаго исповѣданія; глаголитическій, глаголитскій. Глагольское письмо. 2) Школьный. Глагольское ученіе. Четьи Минеи 13 іюля (Словарь 1847, т. I: 262 – 263).

Редкие эпитеты: херь – похеренный (Руссиянов, т.е. запрещённый, в отставке; А. П. Чехов (Чехов 1979, т. XVI: 170), ферт – фертовая (челюсть; Л. М. Леонов, см. НКРЯ 2015).

Метафоры, сравнения, смешанные с метафорами, порождёнными буквенными именами, придают речи книжный, выразительный характер, предназначенный для восприятия грамотного, сведущего в изящной словесности читателя: „пойти азом“ (проз., первым), „безбуквенный разум“ (проз., безграмотный), „в русских буквах „же“ и „ша“ живёт размашисто душа“ (поэт. А. С. Кушнер), „стадо букв кучерявых“ (проз.), „буквы были похожи на калёк“ (проз., некаллиграфический почерк), „буквою руководиться“ (проз., проявить бездушный формализм), „божественные буквы“ (проз.), „змеиные

блистающие Веди“ (поэт., музыкальные инструменты напоминают букву В; Б. Б. Божнев), „замыкать глаголом двор“ (проз., двор имеет контур буквы Г), „нагнуться глаголом“ (проз., в виде буквы Г), „ходить глаголом“ (проз., согнувшись в виде буквы Г), „расставить точки над „ё“ (проз., определиться в нравственных правилах), „захиреть“ (проз., оплошать), „похерить заявление“ (проз., отказать), „выгнулся зелом“ (проз., в виде буквы S), „вырисовывать ерь“ (проз., стараться понравиться своим письмом, почерком), „употребить конечный ерь“ (проз. проявить уважение к старому начальству), „с буквою „ять“ быть не в ладу“ (проз., ошибаться в старом правописании), „дом в виде буквы Т“ (проз., похож на контур буквы Т), „Т-образно расставленные столы“ (проз.), „и *ять* слезами обливает“ (поэт. печалится о прекрасной старой жизни; Дон Аминадо), „О, сколько прелести родной в их смехе, красочности мёртвой, в округлых знаках, в *букве ять*, подобной цёрковке старинной!“ (поэт., В. В. Набоков), „высказать все яти“ (прост., признаться, сказать всю правду), „отставивши ногу, как ять“ (проз., имеется в виду начерк, так называемой курсивной „ять“ костыльной: *ть*), „выпал, как ять из алфавита“ (проз.), „на ять начинают поглядывать“ (проз., с подозрением), „я имя своё напишу через *ять*, над именем крест будет ярко сиять“ (поэт., признаюсь в своём происхождении и убеждениях; Г. А. Глинка), „всё начнётся с буквы ять“ (проз., прогноз о реставрации старого), „только ять выскакивает, в виде церковки с куполом“ (проз.), „без ятей и еров писал“ (проз., либерально для XIX в.), „я устарел, как малый юсь“ (поэт., Д. Самойлов), „походить на ю“ (проз., на образ буквы ю), „коронованное кси“ (поэт., А. Ф. Воейков), „изогнутая *пси* тройного канделябра“ (поэт., М. Л. Лозинский), „мы устареем, как *өита*“ (поэт., Д. Самойлов), „выгнутые *өитой* оглобли“ (проз.), „насади её *өитой*“ (проз., в два узла), „и Францию писал через *Өиту*“ (проз., безграмотно как: *Өранция*), „венозная ижица“ (проз., на теле признак варикоза), „рот похож на ижицу“ (проз.), „о свойствах буквы „ижицы“ сказать“ (проз., о сложном и устаревшем), „отрасить брюшко оником“ (проз., в виде буквы о), „ножки хером“ (проз., в виде X), „на прогнувшихся хером ногах“ (проз., в виде X), „губы, изогнутые ижицею“ (проз., образ *у*), „за ижицу ухватились“ (проз., за самое последнее и сложное в деле), „ижицей быстрой облетая“ (проз., т.е. птицей) (НКРЯ 2015).

Некоторые из этих метафор могут стать или уже стали редкими фразеологизмами, связанными с письменной культурой ушедшего XX столетия. Половина из них может быть названа эйдетическими тропами, потому что такой троп указывает на образ, внешний графический вид той или иной буквы, письменного знака.

Как понимать эйдос применительно к грамматологической теме? Эйдос, согласно традиционной философии, восходит к древнегреческому этимону *εἶδος*, *лат.* *forma, species*, этимологически тождественен русскому слову „вид“. Впервые это слово встречается в древнегреческих философских (богословских) текстах. В дофилософском словоупотреблении (начиная с Гомера) и у досократиков – *Εἶδος* – (внешний) „вид“, „образ“. Применительно

к текстам Платона (наряду с дофилософскими значениями) – это синоним термина „идея“ (ἰδέα). Таким образом, это трансцендентная умопостигаемая форма, существующая отдельно от единичных вещей, кои к ней причастны, или же объект достоверного научного знания. В среднем платонизме осуществляется синтез: платонические эйдосы – идеи становятся „мыслями Бога“, аристотелические эйдосы – формы – это имманентные умопостигаемые сущности 2-го порядка, отражения идеи в материи (Альбин, II в. по Р. Х.). Примечательно, что Плотин сохраняет это различие, соотнося его со своей иерархией ипостасей: идеи помещаются в уме (νόος), имманентные формы (кои Плотин вслед за стоиками называет также логосами) – в душе (ψυχή) (ФЭС 1989: 754 – 755). Исходя из этого, эйдос – это а) материальное воплощение духовного смысла; б) графическое воплощение языкового смысла. А. Ф. Лосев по философической и филологической традиции связывает эйдос с формой вещи и под влиянием Э. Гуссерля соединяет эйдос с сущностью вещи. В начале своего исследования „Философии имени“ (1923 – 1927 гг.) А. Ф. Лосев предупреждает и разъясняет разнотолкование этого термина: „...диалектика и есть совершенный полнейший и окончательный реализм. Для неё не существует никаких „вещей в себе“, не проявленных в вещах, никакого духа, который бы был абсолютно бесплотен, никакой идеи, которая бы не была вещью... <потому> абстрактная диалектика, не понимающая тела и его сокровенного смысла, да будет изничтожена...“ (Лосев 1990: 16 – 17). И далее, проясняя значение нашего термина: „Греческое слово εἶδος имеет массу всяких значений: наружность, вид, форма, лик, вид в логическом смысле и т. д. и т. д. Но все эти значения коренятся в одном – именно в том, которое связано со значением *видеть*, так что „наружность“ тут мыслится с оттенком её зрительной данности, „вид“ с оттенком зрительной данности, логический вид – с оттенком мыслительной зрительности и интуитивности и т. д.“ (Лосев 1990: 35).

Нетрудно заключить, что в грамματοлогической классификации различаются, соответственно, дериваты алфавитные (азбучные – аббревиатура: ДА) на два (логических) вида: ДА, указывающие на форму буквы (или письменного знака), их мы называем эйдетическими ДА (ДАЭ). Второй вид ДА – не указывающие на форму буквы (или иного письменного знака), их мы определяем как азйдетические (т.е. неэйдетические): ДА > ДАА = ДАН. Если продолжить эту мысль и схематично представить весь процесс генезиса, превращения слова или нашего письменного знака (буквы), то получается следующая метаморфоза: conceptum (словесное зерно) > образ > понятие > символ > и снова > conceptum. Таким образом, первая стадия ДА – это стадия прохождения через образ буквы (её эйдос), поэтому первая стадия рождает ДАЭ, вторая стадия интеллектуальная связана с понятием – это ДАА, и, наконец, третья стадия преобразования соотносима с символическим ДА, который может рождать ДАЭ или ДАН. Пройдя все стадии генетического круга, семантического квадрата по В. В. Колесову (Колесов 2002: 45 – 70) слово должно

вернуться в зерно (conceptum), дабы возродиться в новом качестве и новой формой, т. е. новым дериватом азбучным (алфавитным), ДА и т. д.

Это и есть сущностная (онтологическая) схема пути слова в осмысливающей себя, мыслящей, интеллигентной русской книжной личности (в большинстве своём, ибо такая личность порождает речь, связанную с глубокой грамотностью, так называемой функциональной грамотностью). Эта схема заставляет по-новому взглянуть на творчество пишущего народа, который, вопреки разлитому повсеместно штампу европейского стереотипного представления, придаёт значение внешнему виду родного письма. Такие тропы часто преобразуются в антропоморфические образы, текст оживает, как сама жизнь, а жизнь в рефлексирующем сознании становится текстом.

Перспективы нашего исследования связаны с первым изданием словаря – следующего шага к системному изучению славянской азбуки и её эксплицитных и имплицитных компонентов.

СОКРАЩЕНИЯ

ДА – дериват алфавитный (азбучный)

ДАА – дериват алфавитный (азбучный) айдетический (неэйдетический)

ДАН – дериват алфавитный (азбучный) неэйдетический

ДАЭ – дериват алфавитный (азбучный) эйдетический

лат. – латинский, -ое

поэт. – поэтический, -ое

пр. – прилагательное

проз. – прозаический, -ое

прост. – просторечие

Р. Х. – Рождество Христово

ЛИТЕРАТУРА

Будейко 2009: Будейко, В. Э. О термине „антистих“ в современной теории письма. – В: *Языки профессиональной коммуникации. Сборник статей Четвёртой международной научной конференции (Челябинск, 3 – 5 декабря 2009 г.)*. Челябинск: ООО „Энциклопедия“, 2009, с. 74 – 76.

Будейко 2010: Будейко, В. Э. *Антистих* как орфографический принцип современной европейской письменности. – В: *Духовно-нравственная культура России и Болгарии: православное наследие. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. (VIII Славянский научный собор „Урал. Православие. Культура“)*. Вып. II. Часть I. Челябинск, 2010, с. 121 – 130.

Будейко 2012: Будейко, В. Э. *Проблемы представления информации в алфавитах (на материале кириллицы восточнославянских языков)*. Челябинск: ООО Энциклопедия, 2012.

Журавлёв 1974: Журавлёв, А. П. *Фонетическое значение*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1974.

- Журавлёв 1991:** Журавлёв, А. П. *Звук и смысл*. Москва: Просвещение, 1991.
- Иванова 1976:** Иванова, В. Ф. *Современный русский язык. Графика и орфография*. Москва: Просвещение, 1976.
- Колесов 2002:** Колесов, В. В. *Философия русского слова*. Санкт-Петербург: Юна, 2002.
- Колесов 2014:** Колесов, В. В. *Древнерусская цивилизация. Наследие в слове: словоуказатель*. Москва: Институт русской цивилизации, 2014.
- Лосев 1990:** Лосев, А. Ф. *Философия имени*. Москва: Правда, 1990.
- Степанов 2001:** Степанов, Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект, 2001.

ИСТОЧНИКИ

- Быков 2006:** Быков, Д. Л. *Орфография: опера в трёх действиях*. Москва: Вагриус, 2006.
- Дворецкий 2000:** Дворецкий, И. Х. *Латинско-русский словарь*. 6-е изд. Москва: Русский язык, 2000.
- Жуков 1991:** Жуков, Д. Ключи к „Трёх столицам“. – В: Шульгин, В. В. *Три столицы*. Москва: Современник, 1991.
- Леонтьев 2011:** Леонтьев, К. Н. *Храм и Церковь*. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011.
- Логический словарь 1994:** *Логический словарь: ДЕФОРТ*. Москва: Мысль, 1994.
- НКРЯ:** Национальный корпус русского языка. Подкорпус параллельных текстов <<http://ruscorpora.ru>> (дата обращения: 02.10.2015).
- Словарь 1847:** *Словарь церковно-славянского и русского языка (составленный Вторым отд. Императорской Академии Наук)*. Т. I – IV. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии Наук, 1847.
- ФЭС:** *Философский энциклопедический словарь*. 2-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1989.
- Чехов:** Чехов, А. П. *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах*. Том I – XVIII. Москва.: Наука, 1974 – 1982.
- Шульгин 1991:** Шульгин, В. В. *Три столицы*. Москва: Современник, 1991.